

Я. Туди

ИМЯ СНЕЖНОГО ЗАЙЦА

Яр Туди

Имя снежного зайца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69351673

SelfPub; 2023

Аннотация

Я оказался там не по своей воле, потеряв все и надеясь найти лишь смерть. Я остался там, потому что нашел себя. Я – белый кролик... Приключения в альтернативной реальности, где лето – как один яркий быстротечный день, а зима – нескончаемая морозная ночь, где на берегу северного моря живут, погибают и сражаются за жизнь люди, и звери, и зверолюди – дзюу-дзин.

Яр Туди

Имя снежного зайца

Далеко-далеко на Севере все звери куда как больше, чем на юге. Их мех такой густой и теплый, что они не замерзают даже в страшные морозы, когда капля воды вмиг превращается в ледяной шарик, не успев упасть на землю. Их мех такой белый, что северное сияние переливается, отражаясь на их шкурах, как на снегу. Там живут пушистые полярные лисицы, и белые совы, и даже зайцы там белые-белые, такие, что их совсем не видно на снегу. Пока они не побегут...

Долгой полярной ночью всякое случается – будто из ниоткуда появляются огромные чудовища с длинными синими клыками, от которых нет спасения. Лисы чувствуют живую кровь и ныряют в снег, как в глубокую воду, а совы, чьи крылья не всколыхнут даже самую маленькую пушинку-снежинку – эти ждут, когда добыча появится на поверхности. Зайцы приходят к людскому жилью и «проверяют» капканы – грызут тех, кто не может больше двигаться, и мелких, и больших.

... Когда обломки корабля рассыпались по льду, маленькое мокрое создание спрыгнуло с круглой деревяшки – корабельного люка, и бросилось бежать к берегу, где темнели валуны – черные луды. Мальчик? Нет. Не человек. Раньше люди называли их дзюу-дзин – зверолод. Но теперь обычных животных на земле почти не осталось, все теперь Гово-

рящие. Эволюция, видимо. Или что-то другое.

Прочь от людей! Он никогда больше не выйдет к ним. Один раз он уже сделал ошибку – когда поселок выкосила эпидемия, и он, не в силах выносить одиночества, отправился к морю, к бухте, куда причаливали корабли людей.

Он хотел увидеть чужие, незнакомые земли – чтобы «развидеть» наполненный страхом и смертью кошмар, занявший место родной долины. Что же, на корабле мехоторговцев он повидал такое, что мучительные воспоминания разлетелись прочь, как испугнутые вороны. Порой у него не было сил вспоминать. Порой казалось, что долина, мама, братья и сестры – воспоминания другого кролика. Или сон. Порой – что весь мир – это сон. Отвратительный, пропитанный страхом, смертельной усталостью, злобой и черной безнадежностью кошмар. И непреходящий холод. Даже теплая шкурка не защищала от северных ледяных ветров. Может, потому что холод был внутри – в его груди? Они вышли в море раньше других – люди надеялись первыми найти северные лежбища больших тюленей и силк, чтобы успеть, пока детеныши еще малы и не могут плавать. Взрослые проворны и хитры, им не нужно выходить на землю – кроме нескольких недель в году, когда рождаются бельки. На берегу те, кто рожден для жизни в море неуклюжи – бей – не хочу!

Но верно и обратное – рожденным на земле не выжить в воде и суток, когда глыба острого льда, внезапно перевернувшись, отправит их в темные глубины. Все человеческие

хитрости – орудия, механизмы, расчеты и изобретательность – не заменят густого меха и толстого слоя жира.

Может быть, на берегу люди и справились бы с холодом. Они разожгли бы огонь, а потом пошли бы искать поселок – может, там у них были бы шансы выжить. Может, и у кролика тоже, ведь кролики, как и люди, не созданы жить на севере. Но на берег выбрался только он. Он свободен, и никто из них больше не обидит его и не назовет его «зайцем». И люди и зверолоуды на корабле не видели разницы между зайцем и кроликом. Или им было наплевать. Ему тоже наплевать на их смерть. Он не пойдет искать людей, а кроликов здесь нет. Кроме него. Он бегаёт медленнее зайца, зато может резко поворачивать и бить как задними лапами, так и передними. А ещё – он пребольно кусается.

Зайцы рождаются одни и растут одни – без логова. Без мамы. Без братьев и сестер. Но даже среди свирепой борьбы за выживание есть маленькая лазейка, глоток тепла, приправленный капелькой надежды для тех, кто проигрывает эту борьбу. Зайчиха, оставившая своего ребенка, будет кормить молоком любого зайчонка. Бывает, что не-зайчонка тоже.

Он понимал, что все равно умрет, когда увидел за лудой покалеченного зайчонка. Он таскал его на себе от одной точки кормления до другой – его ноги были здоровы, лучше устать, расходуя последние крохи сил, чем беречь их, сжавшись в комок, и медленно умирать под вой тоски. Зачем

же умирать двоим, верно? Две зайчихи накормили его вместе с зайчонком. Маленький кролик тогда назвал его братом. Зайчонок молчал. Он почти не разговаривал.

Потом пришла весна, заяц бегал все лучше и, наконец, убежал совсем. Кролику не угнаться за настоящим зайцем.

Юный кролик, по-прежнему снежно-белый – кролики не меняют шкурку весной, – радовался этой весне, прыгая по лужам, жуя первые травинки, салативо-золотистые, тоненькие, почти безвкусные. Нет, у них был запах и вкус весны. Как у воды из снежного быстрого ручья – отдающий льдом, стремительный и островатый. Цвет и вкус надежды – короткой, уходящей вместе с солнцем, но от этого еще более прекрасной. Он знал – всей жизни его – эта весна, потом лето и, на десерт, быть может, ломтик-другой осени. Лето было коротким и жгучим, наполненным жужжанием и звоном – на все голоса старались насекомыши, летающие и ползающие. Их век был еще короче. Осень плакала вместе с ним, насквозь пробивая густой мех, неся холод в самую глубину, в сердце. Гуси прокричали ему реквием и улетели, унося с собой последние лучи солнца. Олени оглашали окрестности трубным ревом, когда он забрался под корни кривой березки, чтобы умереть так, как нормальные кролики живут. В норке. Он старался не стонать, но без удивления услышал негромкий, ритмичный топот. Неумолимые звуки. Заяц. Почти перелинял, только на острых ушах еще остались темно-ржавые клочья. Его голос звучал грубо, потому что слова

не имели интонации. Зайцы редко говорят. Им незачем общаться друг с другом.

– Олень умер. Идем.

Сказал заяц, вытаскивая его из норки. И после короткой паузы добавил.

– Брат.

Всю зиму они бегали вдвоем. Он взял себе имя «Северное сияние над головой зайца» Так было длинно, и он звал себя просто «Северсин». Они разыскивали застрявших в снегу, ослабевших, слишком старых для этой зимы, или слишком юных. Изредка тот, кто попал в беду, был еще жив... нет, не так – в нем оставалась еще искра жизни... Это сразу видно, горит еще искра, или угасла... Когда искра гаснет, северная ночь и мороз убивают быстро. Заяц острыми резцами вспарывал шкуру и выгрызал жир и мясо, а кролик съедал содержимое желудка, и братья мчались прочь – следующие на очереди уже ожидали или были в пути. Быстрые серебристые лисички, мохнатые одичавшие псы, скорее похожие на большую копну шерсти, чем на свирепых хищников, и наконец, неторопливые, могучие большие совы, цари полярной ночи. Синезубые не связывались с мерзлыми тушами – им нужна была не застывшая кровь и мягкое, еще теплое мясо.

Но если попавший в капкан при виде братьев начинал метаться в страхе или свирепо рычать, – вот тогда приходилось повозиться. Вдвоем они вытаскивали провалившихся в снег ослабевших от голода оленей и отгоняли их вслед уходяще-

му стаду. Отбивали и волокли к воде примерзших в ледяном заторе тюленей и тюлешинков-силк. Однажды, уже к весне, им попался злой темно-гнедой жеребец, что плавал в полынье и не мог выбраться. Он яростно ржал, кроша лед мощными копытами, а его мохнатая грива звенела колокольчиками-сосульками. Заяц пустился кругом по самой кромке льда. Когда конь развернулся, Северсин вскочил на дымящийся круп и повис на шее, резко ударяя ногами. В конце концов он опрокинул жеребца на бок и вдвоем они сумели затащить коня на твердый лед, таща его за гриву и хвост.

Да, таков был негласный уговор. Выжившие не по закону и живущие не по закону не свернут с той стези, встав на которую однажды, они получили редкую, невероятную возможность – жить. Нет, жить счастливо.

Законы природы суровы и не терпят нарушителей. Зайцы всегда одиноки. Кролики не водятся на севере. Попавшие в беду могут рассчитывать на смерть. Никогда – на бескорыстную помощь.

Кролик умеет рыть норки в снегу. Несколько минут – и – блаженство! – нет ветра, нет холода, тепло, словно лето вернулось. Особенно когда в пещерке двое. Заяц никогда до такого не додумался. И – черт побери! – этот странный спас его однажды. И спасет еще, если потребуется. Ради этого стоит потерпеть его рядом с собой.

Заяц, не дрогнув, вспарывает брюхо оленьей туше. Внутри – трава, мох, лишайники – настоящие консервы из легко-

усвояемой зеленой массы. Он часто убегает, но мысль, что он ушел, чтобы непременно вернуться, – большое утешение для того, для кого одиночество – голод сердца, – страшнее голода, ворчащего в животе.

Олени откапывали мох и мерзлую прошлогоднюю траву. Маленький табун диких лошадей служил братьям защитой и столовой вплоть до самой весны – жеребец, случалось, гонял их, но не слишком усердно, зато он и его кобылицы раскапывали снег лучше оленей.

Весной, когда льдины рычали, ворочаясь с боку на бок, они встретили Синеzubого. Ни один из братьев не услышал дыхания под настовой коркой. Ни один не заметил ни следа, ни клочка светлой зимней шерсти, меняющейся к лету. Просто рыхлый снег вдруг взорвался комьями, и тяжелые лапы сгребли их с братом, вдавив до самой земли. Кто говорил, что Синеzubые не ловят мелкую добычу? Когти сомкнулись капканом с двух сторон, надежно удерживая тело жертвы... если это одно тело. Сжавшись, отчаянно крича, извиваясь, оставляя ключья шкуры на когтях, земле и снегу, кролик ухитрился сдвинуться к груди хищника, нарушая захват. Заяц вперед, кролик назад – расползаясь, они выиграли полмига, когда лапы зверя раскоординировались, будто растерялись – в какую сторону цеплять? Заяц, развернувшись почти на спину, ударил задними, и еще, и еще, целя в морду зверюги так, что тот невольно отмахнулся – и освободил кролика. Северсин сиганул вбок, под мохнатую лапищу – и

вонзил острые зубы в открывшуюся под локтем Синезубого «подмышку» – участок, почти не покрытый мехом. Хищник вздрогнул, изогнулся, и Северсин увидел пружиной напрягшиеся лапы зайца. Еще одно движение – и, легкие, они с братом вспрыгнут на наст, помчатся в разные стороны, чтобы, как всегда, встретиться на одной из лёжек. Синезубые – не волки, они охотятся из засады и не преследуют убегающую добычу, тем более, такую мелкую (первое правило хищника – охота удачна, если съедено больше калорий, чем потрачено). Заяц не прыгнул. Северсин, сделав обзорную «свечку», увидел, как он кружился на боку в нескольких метрах впереди, взрывая беспорядочно бьющими лапами и наст, и снег, и клочья белого лишайника. Синезубый яростно ревел, крутя мордой, справа и позади. Северсин мчался по дуге, глядя только на белый-белый, нетронутый наст – он слышал каждое движение Синезубого, и брата тоже.

Ошибка на Севере может стоить обеда... или жизни. Синезубый ошибся – не желая терять пойманное мясо, он рискнул нанести финальный удар своими знаменитыми клыками по незафиксированной жертве. Хищник раскрыл пасть и резко повернул голову, чтобы добыча, прыгнув, сама распорола брюхо или бок о зазубренную костяную саблю. Но у зайца не хватило сил на последний рывок. Его лапы, проскользнувшие по хрупкому белому мху, занесло вбок, заяц завалился, сделал неловкий толчок, чтобы выправить положение, и в этот момент клык впился в его крестец и с хрустом

сломался. От резкого, пронзившего голову, как выстрел, звука, Синезубый отшатнулся, затряс головой, отбрасывая тело зайца дальше, чем самый длинный, на пределе возможности прыжок. В зону «добыча убежала».

Кролику понадобилось с десятков прыжков, чтобы оказаться там. Великолепных, на пределе возможности, прыжков – благо, раны во время схватки замолкают, тело отключает боль, и включает турборежим – тот самый, «предельно возможный», чтобы дать возможность добежать до убежища. Душа, видимо, тоже. Он вонзил зубы глубоко в плечо, так уютно пахнущее братом, и теплом, и безопасностью и поволок конвульсивно бьющееся, сопротивляющееся тело по снегу, потом по насту, потом по льду...

Потом брат умер. Северсин ничем не смог помочь. Он даже не смог вытащить из потерявшего и силы, и чувствительность тела обломок клыка. Он тоже хотел умереть. Тогда он взял имя брата. Брата звали красиво: Солнце над тающим снегом. Так было длинно. Он стал называть себе Солнат. Брат Солнат.

Теплой весной, когда дороги уже поплыли а на пригорках высыпали цветы-«желтики», он зашел в лавку – и все расступились. Не только потому, что люди сторонились снежных зайцев. Просто никто никогда не видел зайца вооруженным. Обычные для четвероногих звероловов плечевые сумки, крепящиеся по обоим бокам шлеи, были снабжены изо-

гнутыми ножами. А на грудном ремне опасно синел клык Синезубого. Настоящий. И, если бы кто-то осмелился подойти поближе и рассмотреть необычный трофей, он увидел бы – конец двусторонне зазубренного, острого, как нож, клыка, был обломан.

Забрав припасы, заяц-кролик поднял мордочку и прищурился на низкое солнце. Скоро! Совсем скоро придет лето. Зеленая травка... Как бы ни коротко было северное лето – оно спасало его от страшной потери – утраты самого себя, того, кем он был рожден. Он любил брата. И он не хотел потерять себя, того, братом которого был зайчонок с солнечным именем. Он хотел быть кроликом. Пусть даже только в собственной душе.